

Maја Polechina

Репрезентация концепта в поэтическом творчестве Марины Цветаевой

Polilog. Studia Neofilologiczne nr 2, 107-115

2012

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

Maja Polechina

Odintsowski Instytut Humanistyczny
Odintsowo, Rosja

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА В ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Ключевые слова: *концепт, художественный образ, интеллектуальный дискурс, аксиологическая коннотация автора*

Исследование ключевых концептов в творчестве художника представляется важным этапом в рассмотрении сущностных составляющих его художественного мира. Исходя из традиционного видения концепта как «глобальной мыслительной единицы, являющей собой квант структурированного знания»¹, мы рассматриваем концепт как философско-эстетический феномен, имеющий социопсихическую природу, обладающий ценностной значимостью, многомерностью объективации и текстопорождающей функцией. Так как в художественном тексте репрезентантом концепта становится художественный образ, концепт заключает в себе все его признаки, но не ограничивается ими и в отличие от последнего является принадлежностью прежде всего *интеллектуального* дискурса. Исследование концепта в художественном тексте осуществляется познающим этот текст субъектом. Волей субъекта, интерпретатора определяется и полнота выявления содержания концепта. При этом познанное и обозначенное в феномене концепта обуславливается прежде всего природой вещей, замыслом творца, художника. Являясь фрагментом поэтической картины мира, повторяясь, трансформируясь, обнаруживая семантическое движение и обновление, усложнение ассоциативного поля, концепт дает возможность обозначить горизонты символизации образного слоя художественного текста². Исследование концепта, таким образом, осуществляется не из значения слова как такового, а из понимания феномена концепта как «результата столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом»³. Актуальность изучения того или иного концепта обусловлена функциями, которые он выполняет, устанавливая отношения

¹ З.Д. Попова, И.А. Стернин, *Очерки по когнитивной лингвистике*, Воронеж 2002, с. 4.

² Н.О. Осипова, *Концепт «Тайна» в поэтическом сознании начала XX века*, [в]: Н. Осипова, *Слово и культура в диалогах Серебряного века: избранные работы*, Москва 2008, с. 96.

³ Д.С. Лихачев, *Концептосфера русского языка*, [в]: Д.С. Лихачев, *Очерки по философии художественного творчества*, Москва 1997, с. 142.

вещи и имени как двусмысленности мира, в котором нет места однозначности и категоричности.

Важнейшими структурообразующими элементами русской культуры являются концепты *пространства*, которые невозможно понять и описать, не учитывая эмпирических составляющих этих концептов и их творческого потенциала. На художественном материале одного из последних прижизненных сборников Марины Цветаевой *После России* рассмотрим актуализацию концепта *РОССИЯ* в книге поэта, проследим динамику его проявлений и семантическое наполнение.

В поэзии Цветаевой нашли отражение традиционные представления о России как родине, отчизне, земле, Москве, семье, роде, отчем доме (на периферии концептосферы наряду с выше названными оказываются такие концепты как комната, дорога, путь, окно, остров, сад и др.). Все они несут характеристики того или иного пространства – своего/ чужого, внутреннего/ внешнего, верхнего/ нижнего, далекого/ близкого, замкнутого/ разомкнутого, открытого/ закрытого, статичного/ динамичного, сакрального/ бытового.

Россия для Цветаевой изначально связана с образом открытого пространства российских земель, полей, их необозримыми просторами, с русскостью. Одной из особенностей проявления «русскости» в поэтической системе Цветаевой становится активное использование лексических единиц с семантической наполненностью движения, полета, раздолья, безграничной свободы. Открытое пространство России – это Таруса поэта, это просторы средней полосы российской земли, «малиновый сад» детства – ценностные ориентиры художника. Смысловые грани этих понятий наполнены разным содержанием. С одной стороны, это часть природного пространства, определяющего географические масштабы Российской империи и ее истории, с другой стороны, это пространство внутренней, частной жизни поэта, пространство духа, отчасти мистическое (сакральное) пространство. Значимыми характеристиками данного пространства становятся простор, воля как мир души поэта, мир творчества. Необъятные пространства находятся внутри русской души и имеют над ней огромную власть, считал Н. Бердяев. Он полагал, что необозримые просторы, окружающие и теснящие русского человека, являются в большей степени не внешним, материальным фактором его жизни, а внутренним, духовным фактором. Широка натура русского человека, как и его русская земля, русские поля. Славянский хаос бушует в этой душе. И это факты не внешних проявлений, а внутренней сущности, факты, определяющие путь русского человека⁴.

Концепт *Россия* в поэтическом творчестве М. Цветаевой включает в себя помимо общих, универсальных характеристик, сугубо индивидуальные представления художника о судьбе России как судьбе ее народа, судьбе человека, судьбе поэта («Поэт в России больше чем поэт...»). Поэт в России всегда был поборником справедливости, «совестью нации», обличителем и провидцем. Вера в мессианское предназначение России, поиски путей к преображению мира на основах высшего нравственного императива, готовность принести личные

⁴ Н. Бердяев, *Судьба России. О власти пространства над русской душой* /www.russkiy-rok.ru/lib/berdiayev1.html. (07.02.2012).

интересы на алтарь служения обществу стали элементами профетического сценария русского поэта.

Воспевая русское поле, русскую рожь, российский ветер, российские хижины, куст российской рябины, Цветаева говорит о русской душе, о русской судьбе, ее трагическом характере, предопределяя и свой собственный путь: «Рябину/ Рубили / Зорькою./ Рябина – / Судьбина / Горькая. / Рябина – / Седьми / Спусками... / Рябина! / Судьбина / Русская»⁵.

Если исходить из представлений С. Булгакова о том, что родина есть священная тайна каждого человека, через родину он связан и с матерью-землей и со всем Божьим творением, многое проявляется в трагической судьбе Цветаевой⁶. Для поэта Россия стала метаобъектом ментального самопознания, напряженной философско-эстетической рефлексии и горьких размышлений. Многие предопределены в судьбе поэта не только этноязыковой и кровнородственной общностью со своей родиной; по справедливому замечанию К. Исупова, родина – есть место промыслительно заданной мистической встречи всякого «я» с высокой судьбой народа в ауре исторической памяти и семейного предания – под небесами предков и в надежном уюте отчего дома⁷. Россия (родная земля) воспринималась поэтом как сакральная субстанция, неотъемлемым качеством которой являлась святость; мать-земля – носительница высших ценностей для поэта, а поэтому всегда права. Отсюда выстраивается цепочка художественных концептов, порождающая образные коммуникативные системы, характеризующиеся открытостью, потенциальностью и динамичностью (Россия – Москва – Православие).

Осознание особой судьбы России и своей собственной судьбы стало очевидным для Цветаевой в период эмиграции и художественно преломилось в ее сборнике *После России*: «Родина не есть условность территории, а непреложность памяти и крови. Не быть в России, забыть Россию – может бояться лишь тот, кто Россию мыслит вне себя. В ком она внутри, – тот потеряет ее лишь вместе с жизнью»⁸, – писала она. Себя Цветаева не мыслила вне России, постоянно ощущала свою связь с родиной, болезненно воспринимала все происходящее с ее Россией, как «судьбиной горькой». В очерке о Валерии Брюсове *Герой труда*, Цветаева перечисляет характерные черты ее России: «Безрадостность, безысходность, безраздельность, безмерность, бескрайность, бессрочность, безвозвратность, безглядность – вся Россия в без...»⁹. Все эти характеристики были присущи и самой Цветаевой, как естественной части ее Родины, ее макрокосма. Внешнее пространство проецировалось на внутреннее. С одной стороны, Россия Цветаевой – бунтарская, непокорная, своенравная: «Ох, Родина-Русь,/ Неподкованный конь!», «Крепко стукана/ Не приручена. / Жарко сватана,/ В жены не взята»¹⁰. С другой сто-

⁵ М. Цветаева, *Рябину рубили зорькою*, [в]: М. Цветаева, *Собрание сочинений: в 7 томах*, т. 2, *Стихотворения, переводы*, Москва 1994, с. 324.

⁶ С.Н. Булгаков, *Автобиографические заметки. Дневники. Статьи*, Орел 1998.

⁷ К.Г. Исупов, *Космос русского самосознания: Словарные статьи («Образ России: национальное самосознание и современность»)* <http://aesthetics-herzen.narod.ru/isupov.doc>. (07.02.2012).

⁸ М. Цветаева, *Ответ на анкету журнала «Своими путями»*, [в]: М. Цветаева, *Собрание сочинений...*, т. 4, *Воспоминания о современниках. Дневниковая проза...*, с. 618.

⁹ М. Цветаева, *Герой труда...*, с. 62.

¹⁰ М. Цветаева, *Сугробы*, [в]: там же, т. 2, с.112.

роны, «Россия – Мученица!» становится частью мученической души поэта: «...любить Россию! Старую, новую, красную, белую – всю! Вместила же Россия – все... Наша обязанность, вернее, обязанность нашей любви – ее всю вместить»¹¹. Цветаевой была близка позиция Василия Розанова, который писал, что «счастливую и великую родину любить не велика вещь. Мы ее должны любить именно, когда она слаба, мала, унижена, наконец, глупа, наконец, даже порочна. Именно, когда наша “мать” пьяна, лжет и вся запуталась в грехе, мы и не должны отходить от нее... Но и это еще не последнее: когда она наконец умрет и, обглоданная евреями, будет являть одни кости, тот будет “русский”, кто будет плакать около этого остова, никому не нужного и всеми плюнутого. Так да будет...»¹².

Любовь к России поэта-эмигранта включала в себя очень противоречивые чувства: с одной стороны, привязанность к родной земле, дому, семье и близким людям, с другой, – чувство сиротства и оставленности своей страной, боль за российский произвол и одновременно вера в миротворительную миссию России. Не случайно в литературно-критическом эссе, посвященном художнице Наталье Гончаровой, Цветаевой принадлежит эвфемистическая дефиниция «после-России», высказанная по отношению к своей соотечественнице: «Жизнь Гончаровой естественно распадается на две части: Россия и После-России. Не Россия и эмиграция. Как любимое дитя природы и своего народа, этой трагической противуестественности (живьем изъятости из живых) избежала»¹³.

Определяя свое место в настоящем времени, Цветаева признавалась: «...а в общем просто: здесь та Россия, там – вся Россия. Здешнему в искусстве современно прошлое. Россия (о России говорю, не о властях), Россия. Страна ведущих, от искусства требует, чтобы оно вело, эмиграция, страна оставшихся, чтобы вместе с ней оставалось, то есть неудержимо откатывалось назад. В здешнем порядке вещей я беспорядок вещей»¹⁴. По определению американского исследователя творчества Цветаевой Мэрилин Смит, «гражданская война трансформировала для поэта физическую Русь в метафизическую субстанцию»¹⁵. Объясняя в письме к Анне Тесковой название своей последней книги стихов *После России*, Цветаева перефразировала слова Сергея Эфрона, сказанные в начале революции – «Россия во мне, не я в России»¹⁶. То, что для Эфрона во время гражданской войны было духовной реальностью, стало физической – в эмиграции. В прозе Цветаевой определение России как метафизической субстанции появляется в статье *Поэт и время*: «Россия никогда не была страной земной карты. И ехавшие отсюда ехали именно за границу: видимого»¹⁷.

¹¹ М. Цветаева, *А.А. Тесковой*, [в]: там же, т. 6, *Письма*, с. 352.

¹² В.В. Розанов, *Опавшие листья: Лирико-философские записки*, Москва 1992, с. 124.

¹³ М. Цветаева, *Наталья Гончарова*, [в]: М. Цветаева, *Собрание сочинений...*, т. 4, с. 101.

¹⁴ М. Цветаева, *Поэт и время*, [в]: там же, т. 5, *Статьи. Эссе*, с. 334.

¹⁵ М. Смит, «Перекон» М. Цветаевой: *Концепт идентичности в медитативной поэзии*, [в]: «Чужбина, родина моя!». *Эмигрантский период жизни и творчества Марины Цветаевой. XI Международный. Научно-тематич. Конференция. (9-11 окт. 2003 г.)*: сборник докладов, Москва 2004, с. 309.

¹⁶ М. Цветаева, *А.А. Тесковой...*, с. 357.

¹⁷ М. Цветаева, *Поэт и время...*, с. 335.

Поэтические тексты книги *После России* отчасти повторяют темы, к которым Цветаева уже обращалась в предыдущих сборниках: неприятие враждебного мира, любовь, смерть, творчество. Однако стиль произведений этого сборника отличается от всего написанного ранее особой экспрессией, патетикой, насыщенностью языковых изобразительно-выразительных элементов: доминирующими оказываются такие приемы как синтаксический параллелизм, повторы, риторические вопросы, параномазия, ассонансы, торжественный слог классической просодии. Природа целостности книги – в ее особой организации, в характере «я-субъекта», особенностях пространственно-временного континуума, в сопряженности стилевых и жанровых образований художественных текстов.

Художественный мир книги наделен аксиологической коннотацией автора, оставившего свой дом, свою родину, оценочная характеристика при этом осуществляется с позиции трагического мироощущения лирического героя: «Покамест день не встал/ С его страстями стравленными,/ Из сырости и шпал/ Россию восстанавливаю. // Из сырости – и свай,/ Из сырости – и серости,/ Покамест день не встал/ И не вмешался стрелочник»¹⁸.

Незадолго до эмиграции Цветаева писала о своей России: «Дрогомилово, Рогожская,/ Другие... Широко ж твоя творилась/ Литургия»¹⁹ и еще: «Лавроиссеченный, /Красной рванью /Исполосованный /В кровь – /Снег. // Вот они, тесной стальной когортой,/ К самой кремлевской стене приперты, /В ряд/ Спят»²⁰. Но именно от этой России неотделим ее поэт. «Я хвороба твоя /Неудремна» и здесь же: «Твоя тайная грусть/ Твоя тайная грызть,/ Бесхозяйная Русь,/ Окаянная Жизнь!»²¹. Ощущение неприкаянности, оставленности своей и своей России не покидало поэта в пореволюционные годы: «Вечно – из дому,/ Век – мимо дому»²². Концепт России как родной земли, «своего пространства», родины получает новую интерпретацию как «*нечто, ставшее ничем*»²³. Безбытность и бездомность поэта, лишенность защищенности в этом огромном дисгармоничном макрокосме рождали неприкаянность души и стремление разомкнуть видимые границы пространства: «Берегись, простота светлоруса!/ Из-под полоза – птицей урвуся!/ Вон за ту вон за даль,/ Вон за ту вон за синь,/ Вон за ту вон за сквозь, / Грива вкось, крылья врозь»²⁴.

Художественная модель пространственно-временного континуума лирической книги Цветаевой основана на ощущении отчуждения «я-субъекта» от повседневного быта, осознании принадлежности индивидуума другой реальности: «Точно жизнь мою угнали/ По стальной версте –/В сиром мореке – две дали.../(Поклонись Москве!)// Точно жизнь мою убили./Из последних жил/ В си-

¹⁸ М. Цветаева, *Рассвет на рельсах*, [в]: там же, т. 2, с. 160.

¹⁹ М. Цветаева, *Москве...*, с. 82.

²⁰ Там же, с. 83.

²¹ М. Цветаева, *Сугробы...*, с. 112.

²² Там же.

²³ С.Р. Габдуллина, *Концепт дом/родина и его словесное воплощение в индивидуальном стиле М. Цветаевой и поэзии русского зарубежья первой волны (сопоставительный аспект)*, Москва 2004.

²⁴ М. Цветаева, *Сугробы...*, с. 113.

ром мороке в две жилы/ Истекает жизнь»²⁵, «Мне, за тем гулявшей за морем, / Тесно в одиночной камере/... Демократии и Амора»²⁶, – писала Цветаева. Однако ни усталость от неустроенного быта, ни одиночество, ни горечь от осознания непонятности, не востребованности ее творчества не могли заглушить напряженной работы сердца и души поэта в эти знаковые для нее годы без России: «Умыслы сгрудились в круг/. Судьбы сдвинулись: не выдать!/(Час, когда не вижу рук) / Души начинают видеть»²⁷.

Начало 1920-х годов было озаменовано встречей с Борисом Пастернаком, который стал для Цветаевой «голубиной купелью», связующим звеном с отчим домом, с родиной, Москвой, Россией, поддерживал ее «высокий рыцарский дух», «жизнь на высокий лад»²⁸. В поэтической судьбе России эта встреча оставила неизгладимый след: письмами, дневниками, сборниками стихов. Позднее, в статье *Поэт и время* Цветаева напишет: «Борис Пастернак – там, я – здесь, через все пространства и запреты, внешние и внутренние (Борис Пастернак – с Революцией, я – ни с кем), Пастернак и я, не сговариваясь, думаем над одним и говорим одно»²⁹. Пастернак становится ее повседневным собеседником, ему она доверяет самые сокровенные тайны души, посвящает самые пронзительные строки: «Неподражаемо лжет жизнь: / Сверх ожидания, сверх лжи.../ Но по дрожанию всех жил/ Можешь узнать: жизнь!...»³⁰. В письмах к Пастернаку воссоздается образ новой России, которая бесконечно далека от ее поэта: «...не уезжайте в Россию, не повидавшись со мной. Россия для меня – великое Может Быть, почти тот-свет. Уезжай Вы в Гваделупу, к змеям, к прокаженным, я бы не окликнула. Но: в Россию – окликаю... Не отъезда я Вашего боюсь, а: исчезновения»³¹. Пастернак уехал, не простившись. Все свои чувства по поводу «не встречи» Цветаева воплотила в один из лучших своих циклов *Провода*, где главная тема поэтического текста сопряжена с образом телеграфных проводов, сопровождающих Пастернака по дороге в Россию и с несостоявшимися проводами возлюбленного: «Я провода вверяю проводам/ И в телеграфный столб упершись – плачу»³². Цветаева бросает вызов разлуке с Пастернаком, отчетливо понимая невозможность встречи в «мире сем».

Отчужденность героини от окружающего мира предопределила позицию собственной пространственно-временной вневходимости, чуждости тому пространству и времени, в котором героиня вынуждена пребывать (вне дома, вне России). Более того, становится очевидным разрушение идентификации внутреннего пространства «я-субъекта»: собственное тело начинает восприниматься «чужой территорией»: «Понимаешь, что из тела/ Вон – хочу!»³³, «В теле как

²⁵ М. Цветаева, *В сиром воздухе загробном...*, с. 161.

²⁶ М. Цветаева, *Голубиная купель...*, с. 182.

²⁷ М. Цветаева, *Провода...*, с. 179.

²⁸ Е. Айзенштейн, *Борису Пастернаку – навстречу! Марина Цветаева: О книге Марины Цветаевой «После России» (1928)*, Санкт-Петербург 2000.

²⁹ М. Цветаева, *Поэт и время...*, с. 345.

³⁰ М. Цветаева, *Неподражаемо лжет жизнь*, [в]: там же, т. 2, с. 132-133.

³¹ *Марина Цветаева. Борис Пастернак. Души начинают видеть. Письма 1922-1936 годов*, Москва 2004, с. 32.

³² М. Цветаева, *Провода...*, с. 176.

³³ М. Цветаева, *Древняя тицета течет по жилам*, [в]: там же, т. 2, с. 232.

в трюме,/ В себе как в тюрьме»³⁴, «В теле – как в стойле./ В себе – как в котле», «В теле – как в топи,/ В теле как в склепе», «В теле – как в тайне,/ В висках – как в тисках/ Маски железной»³⁵. По наблюдениям Е. Коркиной, в книге *После России* по мере отречения лирического «я» от внешнего мира ради мира идеального, первый дается метонимично, отдельными условными знаками³⁶, тогда как внутренний мир человека, его чувства, желания, намерения – через синтаксический параллелизм, антитезы, хиазм («Погребенная заживо под лавиной/Дней – как каторгу избываю жизнь// Гробовое, глухое мое зимовье»³⁷, «Мы мясо – не души!/ Мы губы – не розы!/ От нас? Нет – по нас/ Колеса любимых увозят!»³⁸).

Авторская позиция обнаруживает себя на уровне семантико-стилистических фигур антитезы и хиазма, в которых употребляются такие соматические единицы как утроба, кровь, плоть, кость, символизирующие концепцию вечного круговорота жизни. Невидимое глазу движение «внутренней физиологии» человека, к которому обращается художник, символизирует собой вечные законы природы, цикличность жизни и соотносится с концепцией бытийного круговорота. Более того, символически оно связано с концептами лабиринта и смерти – с возвращением субъекта в лоно земли-матери по круговому пути – кольцу Сатурна³⁹. Так через глубочайший трагизм итоговой книги поэта звучит надежда на возрождение «я-субъекта» в новом качестве в ином пространстве, в мире другом. Показательно в этом отношении программное произведение поэта *Сивилла*.

В заключительном стихотворении цикла *Сивилла – младенцу* в строке «Плачь, маленький, о них и нас...» исследователь Цветаевой Марилена Рэа усматривает отзвук 70 фрагмента Гераклита, который указывал на тонкую грань, которая существует между чистыми («теми») душами и «нашими» душами, павшими в рождении⁴⁰. Путь «вспять» младенца, метафизическая реэмиграция из тела в душу, имеет целью конечное единение с духовным миром (путем нового «рождения в свет» и «восстанья в день») и завершается вознесением. Падение младенца с небес на землю Мариленой Рэа трактуется как метафизический символ изгнания Цветаевой из России, из «мира душ». «Россия только предел земной понимаемости, за пределом земной понимаемости России – беспредельная понимаемость не-земли. “Есть такая страна – Бог; Россия граничит с ней”, – так сказал Рильке [...]. Россия для всего, что не-Россия, всегда была тем светом, с белыми медведями или большевиками, все равно – тем. Некоей угрозой спасения – душ – через гибель тел [...]. Всякий поэт по существу эмигрант, даже в России. Эмигрант Царства Небесного и земного рая природы. [...]

³⁴ М. Цветаева, *Жив, а не умер Демон во мне...*, с. 254.

³⁵ Там же.

³⁶ Е.Б. Коркина, *Поэтический мир М. Цветаевой*, [в]: М.И. Цветаева, *Стихотворения и поэмы*, Ленинград 1990, с. 23.

³⁷ М. Цветаева, *Существования котловиною сдавленная...*, с. 255.

³⁸ М. Цветаева, *Крик станций...*, с. 227.

³⁹ Х.Э. Керлот, *Словарь символов*, Москва 1994, с. 115.

⁴⁰ М. Рэа, «*Сивилла – младенцу*»: *метафизика эмиграции*, [в]: «*Чужбина, родина моя!*»..., с. 309-314.

Эмигрант из Бессмертия в время, невозвращенец в свое небо»⁴¹, – утверждала Цветаева.

Марилена Рэа, завершая свои размышления по поводу финала *Сивиллы*, приходит к следующим выводам: «...если для “младенца” смерть – последний путь к цельной сфере души, то для поэта-изгнанника надежда вернуться в Россию – надежда снова найти страну, близкую Богу, и далее – бессмертие»⁴². В свете сказанного Цветаевой: «Все поезда – в Бессмертье, по дороге – Россия», «Все поезда – в Бессмертье, полустанок – Россия», становится очевидным, что Россия для поэта – это земля страданий, и пребывание на этой земле – уже искупление человеческой души, искупление через страдания, естественным итогом которого становится выстраданное и искупленное бессмертие. И уже в 1932 году, когда Россия станет главной аксиологической доминантой художественного сознания Цветаевой, она напишет: «Мы подошли к единственной мере вещей и людей в данный час века: отношение к России»⁴³.

Так при всей многогранности художественной концептосферы Марины Цветаевой, особую значимость здесь обретает концепт *Россия*, который несет в себе исторический, культурологический, и метафизический смыслы. Перспективность рассмотрения данного концепта, открывающего новые грани в постижении особенностей литературного творчества большого поэта очевидна.

Таким образом, концепт РОССИЯ является универсальным базовым концептом в творчестве Цветаевой 1920-х годов, вокруг которого выстраивается особое смысловое пространство – периферия, состоящее из концептов, находящихся с ядерным центром в определенных отношениях и взаимосвязях. Такими концептами оказываются: дом, сад, родина, Москва, православие, куст рябины, душа поэта, революция, страдания, бессмертие. Все концепты объединены общим содержательным компонентом, который наиболее явно представлен в центре концептосферы и ослаблен к периферии. Содержательные характеристики центра и периферии находятся в постоянном движении. Концепция России в творчестве художника выстраивается на основе осмысления концептов РОССИЯ и МИКРОКОСМ ПОЭТА. Если в начале пути мы можем констатировать тождество, гармоническое единство содержательных характеристик данных концептов, то в период эмиграции отмечаем позицию вневходимости художника, отдаление поэта от своей онтической субстанции – развеществление собственного «я», до его полного уничтожения.

⁴¹ М. Цветаева, *Поэт и время...*, с. 335.

⁴² М. Рэа, «*Сивилла – младенцу*»..., с. 313.

⁴³ *Марина Цветаева...*, с. 394.

Summary

The representation of concept in poetical works of Marina Tsvetayeva

The subject-matter of the research is a universal basic concept of Russia in the works of M. Tsvetayeva. This concept embodies historical, culturological and metaphysical meanings. The author of the article assumes a concept to be philosopho-aesthetical phenomenon of socio-psychological nature having axiological significance, multidimensional objectivation and textogenerative function. The concept of Russia in the poetical works of M. Tsvetayeva incorporates not only general, universal characteristics, but also specifically individual writer's perception of Russia as a destiny of its nation, destiny of a person and destiny of a poet. For Tsvetayeva Russia is a meta-object of mental self-cognition, tense philosopho-aesthetical reflection and poignant contemplation of her motherland's tragic fate.

Key words: concept, word-picture, intellectual discourse, author's axiological connotation